УДК 82.0
ББК 83.3(4Рос)

К. Тэтик

В. БРЮСОВ-УРБАНИСТ В ОЦЕНКЕ А. БЛОКА

Рассмотрены оценки А.А. Блока, адресованные творчеству В.Я. Брюсова, а именно его книге стихов «Urbi et orbi». На материалах писем и рецензий Блока исследуется теоретическая проблема городской топики. Эта проблема соотношения топоса и топики (понимания пространства в онтологическом ключе) относительно поэтического художнического взгляда Блока на стихи Брюсова мало изучена. В статье предпринята попытка восполнить данный пробел и раскрыть характер городской топики у Блока и проследить сходство с поэзией Брюсова в данном ключе.

Ключевые слова: *Брюсов, Блок, городская поэзия, поэтика, топос, письма.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-48-58

Тэтик Кевсер – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: 8 (985) 911-82-21
E-mail: kevser_tetik@anadolu.edu.tr

© Тэтик К., 2016.

Возникновение интереса А.А. Блока к городской тематике тесно связано с творчеством В.Я. Брюсова. Этот интерес возник во многом под влиянием книги стихов «Urbi et orbi» (1901 – 1903), знакомство с которой он считает большим событием в своей творческой жизни. Блок пишет об «Urbi et orbi» восторженные письма: «Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич! Каждый вечер я читаю «Urbi et orbi». Так как в эту минуту одно из таких навечерий, я, несмотря на всю мою сдержанность, не могу вовсе умолкнуть. Что же вы еще сделаете после этого? Ничего или –? У меня в голове груды стихов, но этих я никогда не предполагал возможными. То, что Вам известно, не знаю, доступно ли кому-нибудь еще и скоро ли будет доступно. Несмотря на всю излишность этого письма, я умолкаю только теперь» (В.Я. Брюсову от 26 ноября 1903 г. [Блок, т. VIII, с. 72; далее при ссылках на это издание указывается только том римской цифрой и страница– арабской.]); «“Urbi et orbi” все еще лишает меня возможности писать вполне собственные стихи» (В.Я. Брюсову от 23 февраля 1904 г., Петербург [VIII, 89]); «<...>По моему убеждению, Брюсов теперь первый в России поэт, особенно после последней книги («Urbi et orbi» — читали ли Вы? Может быть — нет?), которая, по-моему, крупнейшее литературное явление в последние годы. <...> это совсем необыкновенно, старого декадентства, по-моему, нет и следа <...>Иные стихи лягут алмазами в коронах царей» (А.В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г.: Петербург

[VIII, 90]); «Я совершенно не могу надеяться вырасти до Брюсова, даже теперешнего. А что будет его будущая книга!

Буду ждать с восхищением и надеждой» (С.М. Соловьеву от 8 марта 1904 г., Петербург [VIII, 96]). «<...>Таковой же мне кажется размолвка "Скорпиона" с "Грифом". Я совершенно понимаю, если хотите, Брюсова, восстающего на "Грифов". Хотя – зачем? Мне кажется, что это не навсегда, даже, может быть, ненадолго. Тому доказательство – "Urbi et orbi". Это – бог знает что – только в обратном смысле. Книга совсем тянет, жалит, ласкает, обвивает. Внешность, содержание – ряд небывалых откровений, озарений почти гениальных <...>» (Андрею Белому от 20 ноября 1903 г., Петербург [VIII, 69]). «...Мне кажется, "Urbi et orbi" – факт неисчерпаемый и громадный <...>» (П.П. Перцову от 10 мая 1904 г., Шахматово [VIII, 101]). Таковы основные выдержки из писем А. Блока, адресованных разным поэтам. Уже из этих отрывков видно поэтическое восхищение Блока книгой «Urbi et orbi».

В письмах скрыт весьма глубокий поэтический смысл и прозорливость поэта. В «Urbi et orbi» Блок находит «преемничество из Пушкина – и по прямой линии <...>» (А.В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г., Петербург [VIII, 90]). В рецензии на другой сборник Брюсова («Валерий Брюсов, Stephanos, Венок, Стихи 1903 – 1905 гг. Москва, 1906 г., К-во "Скорпион"», 1906) поэт пишет о том, что тот «рукоположен Пушкиным», что «это поэт "пушкинской плеяды"» [V, 616]. Блок постоянно возвышает творчество и стиль Брюсова и считает его своим учителем: «Стихи Брюсова я очень люблю, некоторые особенно – в обоих выпусках "Северных цветов" (прошлого и этого года)» (З.Н. Гиппиус от 16 августа 1902 г., <Шахматово> [VIII, 43]); «О Брюсове ничего не понимаю, кроме того, что он – гениальный поэт александрийского периода русской литературы» (С.М. Соловьеву от января 1905 г., [VIII, 117]); «Брюсова я считал, считаю и буду считать своим ближайшим учителем – после Вл. Соловьева» (Г.И. Чулкову от 26 августа 1907 г., Шахматово [VIII, 206]).

Влияние Брюсова на свое творчество Блок осознает, все время говоря об этом – то всерьез: «Вы давно влияете на меня Вашими книгами (не исключая "Chefs d'oeuvre" и "Me eum esse")» (В.Я. Брюсову от 13 декабря 1903 г., Петербург [VIII,76]); «Вы знаете, что я издавна люблю Вашу поэзию и многим обязан ей, как ученик» (В.Я. Брюсову от 11 января 1906 г., Петербург [VIII, 147]), – то шутливо: «От моего имени остается разве окончание: *ок* (В.Я. Бр... – ок!)» (Белому от 16 мая 1904 г., Шахматово, [VIII, 101]). При этом, когда Блок путешествует по разным городам, он «с особенной значительностью» вспоминает стихи Брюсова: «Дорогой Валерий Яковлевич. Приветствую Вас из Флоренции. И здесь, и в Венеции, и в Равенне по-новому и с особенной значительностью вспоминаю Ваши стихи» (В.Я. Брюсову от 25 мая <н. ст.> 1909 г., <Флоренция> [VIII, 285]); *«Дорогой Валерий Яковлевич! Не знаю, в Москве ли Вы теперь, но все-таки хочу Вам писать. Я только что вернулся в Петербург из деревни, где находился под постоянным обаянием*

третьего тома Ваших "Путей и перепутий". В Италии и в Германии, где я очень много увидел и многому научился, постоянно звучали мне Ваши прежние стихи (не только венецианские или кельнские) – и совсем по-новому <...>» (В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г., Петербург [VIII, 293]).

Обращает на себя внимание то, что Блок как художник слова с большим интересом отнёсся именно к *городской теме* в стихах Брюсова, которая стала созвучна впечатлениям поэта, путешествующего по Италии и Германии. Можно поставить вопрос об особом *образе,* заключённом в *городском топосе* или, лучше сказать, в городской топике, который поэтически воспринял Блок от Брюсова. В этом случае важна постановка вопроса *о топике и топосе* в теоретическом ключе. В данной статье мы стремимся расширить понятие топоса, т.е. обозначения места, до топики – в значении национальной эволюционирующей аксиологии.

Возвращаясь к творчеству Блока, его письмам и заметкам, подчеркнем: не случайно его странствия сопровождались стихами из книги "Urbi et orbi". Эта книга позволяет сказать, что Брюсов ярко описывает город, городской быт, пейзаж и внешний облик города в своих стихотворениях, таких как «Флоренция Декамерона» (1900), «Венеция» (1902), «Данте в Венеции» (1900), «Sancta Agatha» (1902), «Лев Святого Марка» (1902), «Город женщин» (1902), «Италия» (1902), «Германия». Этим он очаровывает Блока, и прежде всего виртуозностью своего стиха. В стихотворении «Венеция» (1902) Брюсова мы видим, как лирический субъект красочно рассказывает о впечатлениях от знаменитого города. В первом двустишии восхищается яркостью солнечного света на юге: *«Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах,//В формах выпукло-прекрасных представал пред взором прах?»* [Брюсов, с. 351]. Поэт использует слово в высоком стиле – «прах», стремясь утвердить наследие человечества в Венеции в масштабе вечности. Торжественным языком, риторическими вопросами поэт привлекает внимание читателей к величавой красоте города на воде. Уже в первом двустишии стихотворения появляется оксюморонная формула: «прах» в «***ярких*** красках и цветах», парадоксально представляющая прах в одном ряду с прекрасным и живым («душа»). Бессмертное духовное начало, как и красота, мыслится неизменным и торжествующим над материальностью в *вечности*. Утверждение *«Здесь – пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила»* выражает духовную причастность поэта к вечно живой атмосфере Венеции: *«Это понял я, припомнив* ***гондол*** *черные тела» «Это понял, повторяя Юга полные слова»* [Брюсов, с. 351]. На этом фоне возникает мифологический образ крылатого льва. Бронзовая статуя «Лев Святого Марка», по словам Л.А. Колобаевой, «Брюсовым описывается как символ освобождения от повседневных условий жизни, как воплощение человеческого стремления к полету, «**от *плена земли к свободе***»» [Колобаева, с. 133]. А во втором катрене поэт раскрывает философскую мысль, прослеживающуюся еще в первом катрене: свобода человека мыслится как возвышение его над неизбежностью, над предложенными жизнью условиями (город, построенный на воде). *«От условий повседневных жизнь*

свою освободив, // Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив». Обращает на себя внимание тот факт, что в третьей строфе поэт касается и участи в Венеции «безвестного» человека: *«Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака».* Как указывают комментаторы, здесь идет речь о доже Аньелло Партечипацио, *начавшем строительство* Венеции. В финале стихотвоения звучат мотивы бессмертия, которые поэт связывает с бесконечностью творческого порыва, его "дерзостью и мощью": *«И доныне неизменно все хранит здесь явный след // Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет»*[Брюсов, с. 35]. Благодаря прежней «дерзости и мощи» Венеция будет жить вечно. Словами «над которой смерти нет» поэт снова акцентирует образ вечности. В стихотворении от начала до конца присутствует лирический пафос, восторг перед Венецией и её неизменной красотой, выраженный высокой, книжной лексикой («взор», «безвестная», «доныне», «пришлец»), элементами ораторского красноречия и патетической интонацией.

Нужно отметить, что в поэзии рубежа XIX–XX вв. урбанистические стихотворения об Италии написаны под влиянием наиболее популярных философских концепций того времени. Прежде всего это труды Владимира Соловьева и Фридриха Ницше.

Н.С. Лебедева на эту тему пишет следующее: «В основе философии Владимира Соловьева лежит утверждение, что существует два обособленных мира – земной и небесный, Мир Времени и Мир Вечности. В русской поэзии, посвященной Италии, одним из основных становится мотив вечности. В поэзии А. Блока Венеция и Равенна предстают мертвыми или спящими городами, и в то же время они хранят вечную жизнь. А Брюсов в своих стихах несколько раз изображает «темный лик» Данте. Данте, как Ницше, является страдальцем, переступившим предел обыкновенных человеческих знаний» [Лебедева, с. 107]: *«То был суровый, опаленный лик, // Не мертвый лик, но просветленно страстный»* [Брюсов, с. 155].

Известно, что в творчестве Блока прослеживается сильное влияние философии В.С. Соловьева. Блок верит в Вечную Женственность как в некое божественное начало. Оно явно присутствует в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» как широко проникнувшее в мир, возродившее и воскресившее его. В этом отношении Блок был верным учеником Вл. Соловьева, незадолго до смерти пророчившего: *«Знайте же: вечная женственность ныне // В теле нетленном на землю идет»* [Соловьев, с. 121]. В поэзии Блока образ Вечной Женственности – это нечто неземное, возвышенное, к которому не всем дано прикоснуться и ощутить его великую силу. В поэзии Брюсова также появляется нечто соловьевское, но несколько в ином прочтении. Они с Блоком разойдутся здесь потому, что для Брюсова выходит на первый план римская эстетическая философия.

Венецианский текст Блока – совсем иной, по сравнению с брюсовским. Он представляет собой не столько отражение конкретного городского локуса, сколько некий универсальный топос многовековой куль-

туры, который прекрасен в своей обреченности на умирание. В цикле «Итальянские стихи» Блока современный город уступает место городу прошлого, связанного с великой итальянской историей. Открывает цикл стихотворение «Равенна», где задаются все основные образы и мотивы этого цикла. Равенна уподобляется «вечному», «заснувшему» городу, главным признаком которого становятся «великие гробницы». «Город прошлого» связывается со смертью, однако смерть эта понимается не как «прекращение физического существования» (что было в циклах «Город» и «Страшный мир»), но как «блаженный сон» вечности: *«Все, что минутно, все, что бренно,// Похоронила ты в веках. // Ты, как младенец, спишь Равенна, // У сонной вечности в руках»* [III, 98].

Характерно, что этот «сон вечности» связывается Блоком с культурой и историей города. В стихотворении появляются знаменитые имена, отсылающие к истории Равенны (Теодорих, Галла, Дант). Этот же комплекс тем и мотивов разворачивается в стихотворении «Почиет в мире Теодорих...», лирический сюжет которого (также как и в предыдущем стихотворении) составляет движение города от времени к чудесной вечности: *«Почиет в мире Теодорих,// И Дант не встанет с ложа сна.// Где прежде бушевало море,//Там – виноград и тишина.// В ласкающем и тихом взоре// Равеннских девушек – весна»* [III, 100].

Главная особенность великих городов в «Итальянских стихах» заключается в том, что в топосе этих городов возможно «смешение времен». Так, в цикле «Венеция» возникает мотив проникновения «исторического прошлого» в настоящее лирического героя. Недаром в стихотворении «Холодный ветер от лагуны...» библейское событие проецируется в настоящее. В этом смысле город прошлого оказывается местом пересечения времен и хранителем памяти: *«В тени дворцовой галереи,// Чуть озаренная луной, // Таясь, проходит Саломея // С моей кровавой головой. // Все спит – дворцы, каналы, люди. // Лишь призрака скользящий шаг. // Лишь голова на черном блюде // Глядит с тоской в окрестный мрак»* [III, 103]. Исторический метод, к которому прибегают Блок и Брюсов, дает возможность поэту не только запечатлеть связь времен и народов, но и рассмотреть культуру как социальную память, концентрирующую в себе исторический опыт человечества.

При этом топография реальной Венеции для Блока значима, но она либо лежит за чертою поэтического текста, либо, вписываясь в лирическое пространство, трансформируется. Эта его позиция проявилась в письме от 23 декабря 1909 г. к С. К. Маковскому, редактору журнала «Аполлон», в ответ на упреки последнего в неточностях. Блок писал: «Сверх того, внимательно просмотрев Ваши замечания, я должен прибавить, что ничего не имею против некоторых из них (по преимуществу грамматических) внешним образом (но не внутренним); зато одно меня поразило: рядом со словами о “Марке” и о “лунной лагуне” Вы пишете: “Неверно. Лагуна далеко от Марка”. Таким образом, Вы подозреваете меня в двойном грехе: в незнании венецианской топографии и в декадентстве дурного вкуса (ибо называть лагуну, освещенную луной, “лун-

ной лагуной" – было бы именно бальмонтизмом третьего сорта). Уверяю Вас, что я говорю просто о небесных лагунах – именно о тех, в которых Марк купает свой иконостас (в данном случае портал) в лунные ночи» [VIII, 300].

Таким образом, венецианский текст Блока представляет собой не столько отражение конкретного городского локуса, сколько некий универсальный топос многовековой культуры, который прекрасен в своей обреченности на умирание. Подобная трактовка Венеции, символическая по своей сути, будет подхвачена и развита акмеистами – О. Мандельштамом («Веницейская жизнь») и А. Ахматовой («Венеция», «Поэма без героя»).

Как уже упоминалось, топика (городская в том числе) имеет онтологический смысл, она воспринималась как взаимодействие художественной и космической действительности. Мы видим пример топики во второй рецензии А. Блока: «...Намечая высшие точки "падений и высот", мы с радостью можем отметить соприкосновение идей Брюсова с центральной идеей стихов Владимира Соловьева — соприкосновение свободное, без заимствования, поднявшееся из глубины, – но какими разными путями! Вл. Соловьев, называя землю "владычицей", говорит о "пламени" ее "родного сердца"» [V, 542]. Брюсов обращается к земле: «*Мать, мольбу мою услышь, //Осчастливь последним браком! Ты венчаешь с ветром тишь,// Луг с росой, зарю со мраком.//Я тебя чуждался, мать, // На асфальтах, на гранитах...// Хорошо мне здесь лежать // На грядах недавно взрытых. // Я – твой сын, я – тоже прах, // Я, как ты, – звено созданий. // Так откуда – страсть и страх, // И бессонный бред исканий?*» [Брюсов, с. 177].

Яркий пример онтологического и национального характера городского пространства присутствует уже в затронутом нами стихотворении «Равенна» из цикла «Итальянские стихи». Блок рисует топос многовековой культуры, совмещая в одном стихотворении два временных пространства. Этот приём как обращение к истории часто встречается в творчестве Блока, и стоит заметить, что из всех поэтов Серебряного века к нему чаще всех прибегал Брюсов. Говоря о городской топике в поэзии Блока, нельзя не учитывать его интерес к поэзии Брюсова в данном ключе и вероятное заимствование у него основных мотивов и приемов. Отсылка к истории в рамках одного текста (в данном стихотворении присутствуют разные культурно-исторические пласты) предполагает выражение национального характера городского пространства как одного из ведущих мотивов. Другие примеры национального и онтологического характера городского пространства мы можем наблюдать у Блока в цикле «Город». Например, в стихотворении «Поднимались из тьмы погребов...» (1904) Блок не обращается к самой истории как таковой, но с философской точки зрения в стихотворении присутствуют онтологические мотивы. В топосе этого города нет смещения времени в отличие от большей части городских стихов Блока. Картина однообразна, но снова изображение города служит передачей вечного, вневременного

философского смысла. В стихотворении «Пётр» (1904) мы также видим пример выражения упомянутой проблемы. Если в цикле «Венеция» присутствует смещение «исторического прошлого» в настоящее лирического субъекта, то здесь наблюдается проникновение «исторического прошлого» непосредственно в будущее отдельно взятого города, который символизирует весь народ в целом. Это наиболее исчерпывающий пример национального характера городского топоса. Ср.: *«Он будет город свой беречь,// И, заалев перед денницей,// В руке простертой вспыхнет меч // Над затихающей столицей»*[III, 141].

В целом внедрение в топос города моментов его исторического прошлого способствует совершенно иному восприятию онтологических аспектов стихотворения и выводит его содержание на более высокий уровень. Этот приём присутствует в городской поэзии Брюсова и наблюдается также у Блока.

Блок в ряде случаев критически оценивает стиль Брюсова. В письме к С.М. Соловьеву он подчеркивает «затруднительность» чтения книги «Urbi et orbi»: «Возвращаясь домой, я собирался написать о ней в “Весы”, но вместо того вышла рецензия на “Urbi et orbi” в “Новом пути”. Брюсов мучает меня приблизительно с твоего отъезда, ибо тогда я стал читать его книгу. Мне, откровенно говоря, хочется теперь сказать ему какую-нибудь пакость, разумеется, только потому, что обратное плохо говорится. Читать его стихи вслух в последнее время для меня крайне затруднительно, вследствие горловых спазм» (С.М. Соловьеву от 1–6 декабря 1903 г., Петербург [VIII, 73]). Автор здесь, скорее всего, имеет в виду некоторую тяжеловесную игру в стиле стихотворений.

В этом письме Блок снова сопоставляет стихи Брюсова со стихотворениями А.С. Пушкина: «Приблизительно как при чтении пушкинского “Ариона” или “Ненастный день потух...” Впрочем, надо полагать, что скоро сам напишу стихи, которые все окажутся дубликатом Брюсова» (С.М. Соловьеву от 1–6 декабря 1903 г., Петербург [VIII, 73]). Итак, мы видим некое *магическое влияние* Брюсова на творчество Блока. В своем письме к нему Блок говорит о том, что тот «испортил строки переделкой», и дает примеры из стихотворений «Летучая мышь» и «Возвращения» (декабрь 1907 г.). «Дорогой Валерий Яковлевич. Спасибо Вам за книгу. Перелистываю стихи, давно запечатлевшиеся в памяти, и опять пленяюсь ими. Многое отсюда я узнал первым в новой русской литературе. Многое — всегда со мной, и так знакомо и привычно, что мне кажется, что Вы испортили строки переделкой; например: “Как узник, брожу близ окон” для меня лучше. Также: “И ждал вершающего дня... И снова ныне вы зрите в суете меня”. И другое многое, например в Ревельской поэме. Стихи Ваши – всегда со мной»[VIII, 220]. Однако отношение Блока к Брюсову все-таки *противоречиво по своей природе*. В письме, которое Блок написал С.М. Соловьеву 21 октября 1904 г., он поражает нас уже первым замечанием: «Почему ты придаешь такое значение Брюсову?» Снова подчеркивается *«тяжесть»* стихов Брюсова: «<...> Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особен-

но от меня, который еле выкарабкивается из-под **тяжести его стихов**. Но ведь “что прошло, то прошло”». Блок обвиняет Брюсова в *«раздирании пополам их всех», «в волшебстве»* и в то же время *«жестоком цинизме»*: «...Год минул как раз с тех пор, как “Urbi et orbi” начало нас всех раздирать пополам. Но половинки понемногу склеиваются, раны залечиваются, хочешь другого. “Маг” ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в “разрыве туч” появится его очертание. В следующий раз в очертании уже заметишь частности (“острую бородку”), а потом и пуговицы сюртука, а потом наконец начнешь говорить: “А что, этот черноватый господин все еще там стоит?” Конечно, это жестокий цинизм. Но мне и не хотелось бы, чтобы было иначе. Если бы было вечно так, то мы бы представляли из себя вечно и стойко сражающихся с упрямым, круторогим и постоянно разозленным быком. Вследствие привычки бык стал бы казаться только задорным петухом, и наша стойкость упала бы в собственных наших глазах, стала бы “декадентской”». По мнению Блока, стихотворения «“Орфей” и “Медея” далеко уступают “Urbi et orbi”. Немного выше – “Конь Блед”». При этом в оценке добавляется ирония: «И так должно быть всегда – после затраты чудовищных сил (а ведь Брюсов иногда тратил же их “через силу”). После сильного изнурения пища сразу в рот не полезет <...> » (С.М. Соловьеву от 21 октября 1904 г., Петербург [VIII, 109]).

В 1905 г. Блок пишет Андрею Белому о том, что он «совсем разлюбил стихи Валерия Брюсова, почти без исключений» (Андрею Белому от 8 августа 1905 г., Шахматово [VIII, 134]). Как отметил В.Н. Орлов в своей вступительной статье «Лицо и маска», к брюсовскому Собранию сочинений, «с Валерием Брюсовым его отношения с самого начала так и не наладились и всегда оставались корректно холодноватыми» [I, 17].

При всей диалектичности отношения (биографического и поэтического) к творчеству Брюсова Блок все-таки остается под сильным впечатлением именно от стихов старшего символиста, посвященных разным городам. Так, Блок в 1911 г., когда он был в Кэмпере, сравнивает собор Кэмпера со стихотворением Брюсова «К собору Кэмпера»: «Стихотворение Брюсова “К собору Кэмпера” могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не “безгласен”. Все его очарование – в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов; очень уютные гробницы, много утвари, гербов, статуй, сводиков, лавочек и пр. Башни его не очень давно перестроены, готика – прекрасная, но не великая, и даже в замысле искривления алтаря нет величия, хотя много смелости – талантливо, но не гениально» (матери от 20 августа <н. ст.> 1911 г., Кэмпер [VIII, 365]). Во всем этом обнаруживается различие поэтических индивидуальностей Блока и Брюсова. Требования Блока к стихам Брюсова связаны с тем, что он ожидает в них большей конкретизации в воплощении *неповторимости* индивидуального облика города.

М. Элиаде в своих трудах описывал город как космогоническую модель, уподобленную акту творения Вселенной: «Если жизнь в мире для архаического человека имела религиозный смысл, то это результат специфического ощущения того, что можно было бы назвать “сакральным пространством”. Действительно, для него пространство не является однородным; некоторые части пространства качественно отличаются от остальных. Для религиозного человека эта неоднородность пространства находит свое выражение в ощущении противоположности между частью пространства, которая является сакральной – единственно реальным и действительно существующим местом, – и всем остальным пространством, то есть окружающим его бесформенным простором. Когда божественное проявляется каким-либо образом, возникает не только прорыв в однородности пространства; при этом также происходит проявление абсолютной реальности, противостоящей нереальности безграничного окружающего пространства. Эта манифестация божественного и создает мир в онтологическом смысле» [Элиаде, с. 42 – 43]. В связи с этим нужно отметить, что город в культурологическом дискурсе осмысливается как нечто сакральное. В стихотворении «К собору Кемпэра» Брюсова создано именно такое сакральное пространство. Благодаря строкам этого стихотворения мы можем представить величие богов; сакральное пространство исходит от веры, воспроизведение действий богов и признание их величия исходят от самого человека, понятия верующего и представления его о Всевышнем порождают понятия космогонии. Исходя из понятия *«сакральное пространство»* в стихотворении «К собору Кемпэра» можно попытаться определить данную космогонию. Сакральное пространство – это место встречи неба и земли, это и есть космический центр, где можно увидеть все имеющее отношение к божественному, потустороннему миру.

Стоит отметить и то, что Блок неслучайно написал две рецензии на «Urbi et orbi» (1904). По меткому замечанию З.Г. Минц, «первая рецензия представляет собой одну из трудно “дешифруемых” блоковских статей, целиком написанных не только в импрессионистическом ключе “искусства об искусстве”, но и в эзотерическом ключе для посвященных, когда к тому же многое намеренно “табуировано”, ибо сам сборник Брюсова для Блока – тайна. “Кто-то светлый пришел ранним утром и зарыл клад на неизвестном месте”. Мы срываем цветы. Который из них возник над кладом? Они молчат в красоте одиночества...»[Минц, с. 635]. Во второй рецензии поэт обращает внимание на такую совсем незначительную вещь, как обложка поэтического сборника: «Средний знак обложки – золотая лира – становится понятным, когда вглядишься в печать текста, узнавая в определенно-четких очертаниях необычайно мелких букв – дух автора <...>»; «Это – прежде всего нечто целостное, столь же духовно-синтетическое, как лозунг древнего метафизика: “единое во многом”, простейшее в сложном»[V, 532]. Из комментария Блока становится понятным, на что поэт обращает внимание читателя: на метафизическую и эзотерическую составляющие книги Брюсова. По мне-

нию Блока, предыдущая книга стихов «Tertia vigilia» для Брюсова была всего лишь шагом на пути к «Urbi et orbi». Блок отмечает необыкновенную целостность сборника: *«единое во многом, простейшее в сложном», «гладкость», самостоятельность и единственность («что-то начатое должно быть окончено мной без участия других») – Брюсовского смысла»* [V, 532].

В первой рецензии «Валерий Брюсов, «URBI ET ORBI». Стихи 1900 – 1903 гг. Книгоиздательство "Скорпион"» (1904) Блок более детально разбирал стихи Брюсова из сборника «Urbi et orbi». Он подчеркивает, что «книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней... Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно» [V, 540]. Блок утверждает, что «строки предисловия к "Urbi et orbi", столь строгие и точные, первоначально кажутся почти лишними, налагающими на автора ни для кого непосильную задачу. Они звучат как математическая формула» [V, 541]. По мнению Блока, умеренность и целомудрие – отличительные черты автора. Он заканчивает свою рецензию все-таки поэтическим восхвалением сборника «Urbi et orbi»: «Книга "Urbi et orbi", превзошедшая во всех отношениях предыдущие сборники стихов Брюсова, представляет важный и знаменательный литературный факт» [V, 545].

У Брюсова и в особенности у Блока возникает принцип изображения города с онтологической национальной точки зрения: у первого в основном преобладает мировой, «римский» характер, т.е. античный и языческий, а у второго изображение города скорее ближе к христианскому и национальному русскому характеру. Так в творчестве рассматриваемых нами поэтов воплощается в онтологическом отношении городская тематика.

В заключение подчеркнем, что в данной статье предпринята попытка коснуться теоретической проблемы городской топики. Это проблема соотношения топоса и топики, понимания пространства в онтологическом ключе в художественных взглядах Блока и Брюсова, недостаточно изученных. Сама имагинация разных городов в поэтике Брюсова оказалась созвучна личным впечатлениям Блока, его художественному восприятию, и это было важным звеном их творческих связей.

Литература

Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т.1, 3, 5, Т.8. М.; Л., 1960, 1962, 1963.

Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1973.

Колобаева Л. А. Русский символизм. М., 2000.

Лебедева Н. С. Итальянские мотивы в русской поэзии 1890-х –1910-х годов // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. № 3.

Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 1999.

Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. М., 1974.
Элиаде Мирча. Оккультизм, колдовство и моды в культуре: пер. с англ. Киев; М., 2002.

References

Blok A. Sobr. soch.: v 8 t. T.1, 3, 5, T.8. M.; L., 1960, 1962, 1963.
Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. T. 1. M., 1980.
Bryusov V. Sobr. soch.: v 7 t. T. 1. M., 1973.
Kolobaeva L. A. Russkii simvolizm. M., 2000.
Lebedeva N. S. Ital'yanskie motivy v russkoi poezii 1890-kh –1910-kh godov // Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova. 2012. № 3.
Mints Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. SPb., 1999.
Solov'ev V. S. Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy. M., 1974.
Eliade Mircha. Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture: per. s angl. Kiev; M., 2002.

Kevser Tetik (Moscow, Russian Federation)

V.Bryusov – urbanist in A.Blok's evaluation

In the article it is considered the evaluations of A. A. Blok, addressed to the creativity of V. Bryusov especially his book of poems «Urbi et orbi». On materials of the letters, reviews by Blok it is considered theoretical problem of urban topics. This problem of the relation topos and topics (in the ontological understanding of the understanding of space) relatively artistic view of the poetic verses of Blok on poems of Bryusov is little studied. In this article, it is attempted to fill the gaps and disclose the nature of urban topics of Blok and trace similarities with the poetry of Bryusov in this aspect

Key words: *Bryusov, Blok, urban poems, poetics, topos, letters.*

Tetik Kevser – post-graduate student of the newest Russian literature and modern literature process dpt. Faculty of philology of Moscow State University of M.V. Lomonosov. Phone: 8 (985) 911-82-21, e-mail: kevser_tetik@anadolu.edu.tr